

«в своей прекрасно написанной книге о Бэконе Моллет забыл одну только вещь, — что Бэкон был философом».³ В самом деле, в книге дана такая широкая историческая панорама, так подробно и тщательно выполнены портреты королей, их любимцев, верховных судей, послов и пэров эпохи двух царствований, что для философских материй почти не осталось места.

Нанизывание биографий и длинные отступления не были результатом литературной неопытности или слабости биографа. Композиция книги подчинена схеме, характерной для просветительского рационализма. С одной стороны, король — тиран, законопреступник, разоритель народа; с другой, король — слуга нации, просвещенный властитель, приводящий народ к благоденствию. Лъстецы — фавориты, толпящиеся у трона; и как их антипод — мудрый (но часто непризнанный) советник царей, патриот-просветитель. Эта известная просветительская схема воплощена в книге Моллета с исключительной последовательностью и определенностью.

Королева Елизавета, в разрез с ее реальной исторической ролью (напомним, что К. Маркс отмечал «гнусный характер ее правления» и «бедствия народа в ее царствование»),⁴ изображена Моллетом как просвещенная и гуманная правительница, пользующаяся доверием нации, покровительствующая наукам и искусству.

Неумеренная идеализация сменяется таким же решительным однотонным обличением, как только Моллет принимается за описание царствования Якова, который в его изображении во всем представляет противоположность Елизавете. Это злой, неумный тиран, притесняющий народ, лишаящий общество права выражать свою волю, ведущий нацию к разорению и краху. Недалекий и малообразованный, он опьянен неограниченной властью над людьми, возможностью безнаказанного произвола, который окружающие лъстецы всегда раболепно оправдают и восхвалят. Яков подбирает себе фаворитов, стараясь удалить от дел правления даровитых, умных и честных людей, и это отражается на состоянии науки, искусства и ремесел, пришедших в упадок в его мрачное царствование.

В характеристике Якова, данной Моллетом, как и в его изображении Елизаветы, тщетно было бы искать исторической верности и точности; зато в Якове по многим чертам угадывался царствовавший современник Моллета — Георг II. Но еще существеннее этих прямых параллелей было то, что самый образ умственно ничтожного и жестокого деспота оказался верен исто-

³ См.: Grand dictionnaire universel, vol. 10, p. 1021.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, VII, М., 1940, стр. 379.